

КТО НЕ ИГРАЕТ, ТОТ... НЕ ЕСТЬ

Евгения Сабурова, который рассказывает о том, что происходит в российском образовании, представлять читателям особой нужды нет. Одни знают его как поэта, драматурга, автора нескольких книжек, в том числе научного эссе «Власть отвратительна» — одного из педагогических бестселлеров прошлого года. Другие — как заместителя министра образования в 1990–м и министра экономики, заместителя Председателя Совета Министров РСФСР — в 1991–м. Кстати, после провала ГКЧП именно Сабуров курировал Министерство экономики и прогнозирования СССР в Комитете по оперативному управлению. Сегодня Евгений Фёдорович — научный руководитель Федерального института развития образования. Когда человек, что называется, «в теме», он рассказывает массу интересных вещей. Например, о том, что в калужское профучилище пивоваров поступить значительно труднее, чем в любой калужский вуз. И о том, почему нужно читать городские газеты: «Именно через жизнь своего города можно понять, как живёт сегодня страна».

Евгений Сабуров

Образование всё нужнее

В нашей стране, единственной в мире, люди без образования получали больше, чем люди с образованием. За 15 лет реформ ситуация изменилась коренным образом. Сегодня на первом месте среди факторов, влияющих на доходы населения, — фактор территориальный. Он всегда был и будет первым, потому что страна у нас огромная... А вот фактор образования раньше был на шестом месте, а сейчас — уже на втором!

Предыдущий министр образования Филиппов говорил, что система образования участвует в образовании процентов на тридцать. И семья, и двор, и СМИ очень серьёзно перекрывают её деятельность. Роль семьи в образовании сегодня чрезвычайная — такой не было никогда! Когда страна была в целом малообразованной, то школа была неким центром культуры, а учителя были значительно более образованными людьми, чем большинство населения.

Но скажите, сколько сегодня выпускников педвузов задерживаются в школе на три года? Ответ — семь процентов. А если ещё учесть, что идут туда те, кто не поступил в классический университет, то мы имеем совершенно чёткий механизм отрицательного отбора, то есть в школе задерживаются те, кто не смог найти что-то другое.

Вместо наследства

Что сегодня больше всего влияет на получение высшего образования? В странах с развитой рыночной экономикой очень борются за то, чтобы доходы не влияли на это решающим образом. **Требования равного доступа к образованию — это не благотворительность, а вопрос выживания страны.** Кстати, в нашей стране

всё не так — больше всего влияет образование родителей. А это тоже очень опасно — получается, что средний класс сам себя воспроизводит. И такой механизм вовсе не так уж и хорош...

Образование играет роль наследства. Своё время, силы и связи человек использует, чтобы «оснастить» ребёнка. В нашей стране — больше, чем где-либо.

Зачем нужен диплом?

Образование является такой замечательной вещью, которая в каком-то смысле продолжается всю жизнь. Этим объясняется распространённый ныне тип образования в течение всей жизни. О чём говорят «корочки»? Не о знаниях, полученных человеком, но о его амбициозности, настырности и умении работать. А если в этом вузе трудно учиться — то ещё и о том, что этот человек очень работоспособный.

Общий мировой опыт свидетельствует: если человек умеет учиться и неглуп, — он может обучиться за три месяца. Но зачем тогда учиться несколько лет? А это нужно, чтобы он вошёл в среду и освоил социальный капитал: умение общаться, формулировать свои мысли и читать текст. Сегодня не случайно в вузах ряда европейских стран введён предмет «чтение». Под чтением подразумевается понимание чужого текста.

Хвалиться нечем

По результатам международного тестирования девятиклассников по проверке знаний Россия находится на 15-м месте. Другой тест проверяет уже не знания, а компетентность, и здесь мы 29-е из 32; Бразилию, правда, пока опережаем.

Это катастрофические результаты для самого лучшего в мире образования — именно так называет его ректор МГУ Виктор Садовничий. Когда Германия заняла в таком тесте 17-е место, то там это восприняли как национальную катастрофу, и тогда полетели министры многих земель... Но кто у нас слышал о 29-м месте?! А ведь в новом исследовании результат будет ещё хуже.

На нескольких уровнях мы можем рассматривать наше образование просто как государственную повинность.

Наш знаменитый социолог Левинсон очень метко сказал, что школа производит лишь один продукт — социализацию ребёнка: когда детям 45 минут орут, что они идиоты, то их тем самым подготавливают к будущей жизни...

Кстати, самая дорогая система образования у нас — ПТУ: здесь на одного учащегося приходится средств больше, чем на студента. Эта система неэффективна и тупиковая. Но что же делать? Если мы не будем учить детей из социально неблагополучных семей, то скоро вечером нельзя будет в город выйти.

Огромная проблема! И оказывается, что это не образование, а отстойник с функцией — удержать людей.

Высшее—общее?

У нас 70 лет начисто отсутствовало гуманитарное образование, 20 лет не финансировался ВПК — это значит, что обучают технические вузы технологиям 20-летней давности. И кому, скажите, они нужны, если технологии меняются каждые пять лет! Плюс к этому лишь 20 процентов педагогов высшей школы в нашей стране сказали, что в общем-то наукой они занимаются... Но это ведь только с их слов.

А может ли давать высшее образование человек, который сам наукой не занимается?! Это, простите меня, техникум! А наше высшее образование — это высшее общее образование...

Что делать?

Если мы либералы-рыночники, то никакого другого выхода, кроме как запустить конкуренцию между школами, я не вижу. Конкуренция между вузами уже происходит. И я думаю, что через некоторое время нас ожидает волна слияний и поглощений вузов. Это будет и хорошо, и эффективно. Но можно ли это сделать со школами?

Опираясь на мнения людей, мы можем запустить механизм конкуренции, основанный на выборе потребителя. По теневым деньгам этот процесс уже идёт... Сегодня мест в вузах больше, чем выпускников одиннадцатых классов. Значит, качество образования должно упасть обязательно. Опять начинается отрицательный отбор, а если вспомним ещё отрицательный отбор педагогов, то ухудшение ситуации может принять лавинообразный характер. К примеру, для ПТУ мы просто не найдём людей, если не займёмся проблемами миграции. Выше я сказал резкие, обидные слова про начальное профобразование, но надо

понимать почему — это моя боль. Это очень важная система, и она должна преобразиться.

Конкуренция же на ниве среднего образования приведёт к тому, что на рынке школьного образования понемножечку тоже начнёт работать механизм слияний и поглощений. Более успешные школы будут брать шефство над менее удачными. Это может выглядеть так: лучший учитель выступает в качестве лектора, остальные учителя работают в качестве тьюторов и осваивают вместе со школьниками программу. Такая форма обучения позволит в близкой перспективе перейти к игровым формам обучения и решит проблему сельских школ.

Если говорить об элитных школах, то сегодня мода на образование за рубежом прошла. В Москве есть школы, где только первый взнос составляет десятки тысяч долларов. Так вот, многие богатые люди забирают оттуда своих детей и стремятся устроить их в обычную, крепкую, хорошую школу. Ко мне, например, часто обращаются за советом порекомендовать такую школу, потому что хорошее образование сосредоточено именно там. Но вот высшее образование за рубежом пользуется очень большой популярностью.

И всё-таки: зачем оно нужно?

Даже бедные люди изо всех сил стараются дать детям хорошее образование. Для бедного человека в России образование всегда обладало колоссальной притягательностью, потому что выполняло роль социального лифта.

И нам важно, чтобы именно образование, и ничто иное, формировало национальную элиту. Чтобы это были не доходы, не территориальная привязка, не что-то ещё, а именно образование!

Нужно, чтобы Ломоносов, хоть он и из Холмогор пришёл, мог поступить куда угодно. Именно образование должно формировать инновационный потенциал населения России — человеческий

капитал, который способен конкурировать с человеческим капиталом других стран.

Взбивание подушки, или Административная реформа

В последнее время в «образовательных кругах» культивируется новый вид спорта: «бей министерство». Кто бы ни был министром и что бы министр ни говорил, тут же все спортсмены оживляются и начинается соревнование на тему: кто выразится позабористей да ударит побольней. Когда же министр уходит со своего поста, то оказывается, что лучше него и человека-то на свете не найдёшь. Смеем сделать сенсационное заявление: сегодня во главе министерства стоят весьма эффективные и разумные люди. Недостатков у них хватает, но один очень опасен — нерешительность. Понять их, конечно, можно. Все эти чиновничьи игры в реформы я бы сравнил с взбиванием подушки — сколько по ней ни бей, всё равно принимает первоначальную форму.

Да и по-человечески ясно, что если каждое твоё слово перевирается и освистывается, то призадуматься рот открывать.

Другой вопрос: как отразится затянувшаяся пауза на наших детях, на системе просвещения? Ответ: да так же, как всегда. Хитрость тут в том, что если школа не устраивает общество, это не значит, что она умрёт. Общество просто махнёт рукой (как не раз уж бывало) на эту казённую умудробилку и построит нормальную, адекватную своим потребностям службу педагогических услуг. Это, собственно, уже и происходит.

Как поступают люди, если в водопроводном кране нет воды? Берут вёдра и отправляются на ближайшую колонку. Я ожидаю взрыва внесистемного образования — в виде краткосрочных курсов переподготовки, альтернативных школ, мастерских, лабораторий, клубов, студий по интересам, к которым казённое ведомство всегда относилось как к неизбежному злу. Значит, скорее всего, бизнес, малый и средний, возьмёт под свою защиту мощный неформальный сектор просвещения. Потому что именно бизнес «средней руки» у нас самый мобильный, агрессивный. Не конвейерный, а игровой. Ему надо выживать, решать конкретные задачи, а не жевать, как в поточно-казённой школе, задания из учебника по физике, закусывая их литературой с географией.

Сейчас на Западе в моде теория сигнала, по которой «кабинетное» образование ничего не значит для жизни будущего гражданина: за три месяца на рабочем месте можно научить любого делать, что нужно. Университетский диплом, выходит, лишь сигнал того, что человек активен, целеустремлён. Меня такая позиция сначала возмутила, а потом заставила задуматься. Так и возникла концепция «игрового общества».

Именно игровое начало, которое американцы культивируют в себе с детских лет, все эти конкурсы, соревнования, шоу, постоянные выигрыши и проигрыши сформировали чрезвычайно адаптированную к жизни нацию. И вот результат: европейцы проигрывают американцам экономическое соревнование.

Отсюда мой прогноз: дипломы государственного образца люди всё чаще будут покупать, а образование брать там, где оно действительно «бродит», «играет», отвечает на вопросы, заданные злобой дня, а потому и на 100% эффективно.

Повторяю, у нас игровая экономика, и выпускник средней школы обязан уметь играть по её правилам. Уметь бороться за признание на игровом поле, обладать договороспособностью и особой игровой подвижностью, присущей всем сколько-нибудь успешным в этом мире людям.

Что же до административной реформы... Считаю, что в России никогда и не было Министерства образования, а есть и было Министерство учреждений образования, в крайнем случае — Министерство системы образования. Тамашние управленцы никакого отношения к истинной сфере свободных образовательных услуг, на мой взгляд, не имеют. Удастся ли нынешнему руководству министерства «на полшага продвинуться вперёд»? Не знаю. Вряд ли всё дело так уж сильно зависит от них.

Игроки и победители: пусть выживет сильнейший и... поможет слабому

Вообще надо сказать, что в современной экономике всё более значимым становится не «реальный сектор», а «игровой». Нынешний бизнес-человек прямо заслуживает название *Homo ludens* (человек играющий), поскольку игра из способа оформления жизни становится

жизнью. Прежде всего, свидетельством этому служит новая экономика, где выигрыш от решения финансовых задач и построения схем существенно выше, чем от навыков работы в реальном секторе и знания производственных процессов. Появление так называемых высокотехнологичных компаний с нулевыми дивидендами и чрезвычайно высокой капитализацией способно довести до инфаркта любого марксиста из МВФ. Деньги порождают деньги в игровом режиме вне связи с «реальным сектором».

Поэтому и систему образования нужно подтягивать к новым задачам. Вызов образованию со стороны общества заключается отнюдь не в требовании оснастить учащегося ещё большими объёмами информации, но научить его играть и выигрывать, используя информацию как дополнительный механизм для победы. При этом ролевые игры, в которых педагогика справедливо видит инструмент вхождения в культуру, не теряя своего традиционного назначения, должны дать место агрессивным, ориентированным на победу.

Наслаждение от создания (классический тип) в информационную эпоху сменилось наслаждением от познания и внушения знания другим (романтический тип), а сейчас уступает место наслаждению от выигрыша и решения задач (игровой тип).

Каждому из нас нужно, как воздух или витамин, «ощущение успеха», а вовсе не очередной кусок знаний. В принципе естественно-научная информация теперь легкодоступна, и её усвоение в школе далеко не главное условие для безболезненной адаптации к жизни. Поэтому вовсе не обладание информацией, но умение выстроить аргументацию — вот что, с моей точки зрения, есть компетенция, так называемый компетентностный подход к образованию. Для этого нужно уметь добывать нужную информацию в общем информационном поле и оценивать её значимость для достижения успеха. **НО**